Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal https://esj.today

2025, Том 17, № 5 / 2025, Vol. 17, Iss. 5 https://esj.today/issue-5-2025.html

URL статьи: https://esj.today/PDF/22ECVN525.pdf

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:
Лисица, А. В. Теории инфляции и их применение в российской экономике / А. В. Лисица, А. Ф. Хурматуллина // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17. — № 5. — URL: https://esj.today/PDF/22ECVN525.pdf.

For citation:
Lisitsa A.V., Khurmatullina A.F. Inflation theories and their application in the Russian economy. *The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(5): 22ECVN525. Available at: https://esj.today/PDF/22ECVN525.pdf. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 330.3; 330.5

Лисица Александр Владимирович
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия
Докторант программы DBA
E-mail: alisicza@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-6187-4785
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=809794

Хурматуллина Алсу Фанзилевна
ФГБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Уфа, Россия
Доцент кафедры «Экономика, менеджмент и маркетинг»
Кандидат экономических наук
E-mail: afkhurmatullina@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0092-4401
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=635327

Теории инфляции и их применение в российской экономике

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ теорий инфляции; рассматриваются ключевые положения каждой концепции — от первых описаний инфляции как «бумажного пузыря» в XIX веке до монетаристских и кейнсианских интерпретаций XX века — и выявляются их сильные и слабые стороны. В фокусе внимания находятся взгляды Александра Дельмара, Ирвинга Фишера, Джона Мейнарда Кейнса, Милтона Фридмена, которые не только предложили различные объяснения инфляции, но и заложили основы для современной экономической политики. Особое внимание уделено применимости указанных теорий к анализу инфляционных процессов в российской экономике. Авторами проведен анализ динамики показателей денежной массы, уровня инфляции и темпов экономического роста России за 1991–2024 гг. Дана характеристика инфляционных процессов и их факторов в периоды гиперинфляции начала 1990-х, относительной стабилизации в 2000-х и периодов новых инфляционных всплесков на фоне внешних шоков (кризисы 2008–2009 гг., 2014–2015 гг., 2020–2022 гг.). Приводится обсуждение ограничения монетаристской и кейнсианской парадигм в условиях современной России, где на динамику уровня цен влияют как денежное предложение, так и структурные факторы. Сделаны выводы о том, какие теоретические подходы наиболее релевантны для объяснения инфляции в российской экономике и как сочетание идей разных школ экономической мысли способствует более полному пониманию инфляционных процессов.

Ключевые слова: инфляция; монетаризм; кейнсианство; количественная теория денег; макроэкономическая политика

Введение

Проблема инфляции остаётся одной из ключевых в экономической науке и практике макроэкономического регулирования. Несмотря на внешнюю очевидность — рост общего уровня цен — причины инфляции трактовались по-разному в разные исторические периоды. От влияния бумажных денег и денежной массы до факторов совокупного спроса и производственных ограничений — научное осмысление инфляции прошло сложный путь развития. В данной статье предпринята попытка проследить эволюцию представлений об инфляции от момента появления термина в конце XIX века до современных концептуальных моделей.

Цель исследования — сопоставить теоретические подходы к инфляции, выявить их историческую обусловленность и определить, какие из них сохраняют актуальность в современных экономических условиях для России. Задачами исследования являются сравнительный анализ монетаристского и кейнсианского подходов изучения инфляции; эмпирический анализ показателей инфляции в России за 1991–2024 гг. и их характеристика; выявление особенностей инфляционных процессов в России и их объяснение с помощью теоретических моделей. Гипотеза исследования заключается во влиянии на инфляционные процессы не только предложения денег, но и структурных факторов, что требует сочетания различных подходов в объяснении инфляции и выработки эффективной макроэкономической политики.

Методы и материалы исследования

Исследование основано на методах сравнительного анализа, анализа статистических данных, визуализации данных, контент-анализа теоретических работ, посвященных изучению инфляции. Информационной базой исследования послужили научные публикации отечественных и зарубежных ученых, данные Росстата и Банка России.

Теоретические взгляды А. Дельмара, И. Фишера, Дж.М. Кейнса, М. Фридмена на природу инфляции

В экономической науке понятие инфляции и объяснение ее причин эволюционировали от описательных концепций XIX века до сложных макроэкономических моделей XX века. Ниже рассмотрены взгляды четырех ключевых теоретиков — Александра Дельмара, Джона Мейнарда Кейнса Ирвинга Фишера и Милтона Фридмена.

Александр Дельмар (XIX век) — американский экономист и историк, который одним из первых ввел термин «инфляция» для описания явления резкого обесценения бумажных денег. В 1864 году, в разгар Гражданской войны в США, А. Дельмар опубликовал работу «Большой бумажный пузырь; или, надвигающийся финансовый взрыв» [1], где описал, как чрезмерная эмиссия необеспеченных денег приводит к «вздутию» цен. Он анализировал ситуацию, когда правительство, финансируя военные расходы выпуском неразменных банкнот («гринбаксов» или «гринбэков»), резко увеличило денежную массу [1]. Важный вывод А. Дельмара состоит в том, что в условиях инфляции разные активы ведут себя по-разному: цены на ликвидные активы растут быстрее, в то время как реальная заработная плата отстает от роста цен, что особенно сказывается на уровне жизни наемных работников [1]. Он

показывает, что инфляция носит монетарный характер: избыток денег в обращении относительно объема товаров ведет к повышению общего уровня цен. А. Дельмар образно назвал такое явление «бумажным пузырем», подчеркивая иллюзорность кажущегося благополучия при переполнении экономики бумажными деньгами. «Ни одно количество обещаний не может составить доллар, потому что обещание никогда не равно реальности. Ничто не может иметь постоянную стоимость в один доллар, если это производится легче или чаще, чем доллар», — пишет он [1, с. 19]. Масштабы увеличения денег в обращении иллюстрируют следующие данные: в период с 1862 г. по 1864 г. Конгресс США ежегодно принимал решение напечатать по 150 млн долл., при этом рекордный объем гринбеков в обращении был достигнут в 1864 г. — 415,1 млн долл., а объем федеральных расходов вырос с 66 млн долл. в 1861 г. до 1,3 млрд долл. к 1864 г. [2, с. 121–122]. Сильной стороной подхода А. Дельмара было первое систематическое описание связи между денежной массой и ценами. Однако ограничение его взгляда в том, что он отражал частный исторический случай (инфляцию военного времени) и носил скорее описательный, нежели аналитический характер. Тем не менее, работы А. Дельмара заложили основу для последующей количественной теории денег, выделив ключевую роль контроля за денежной эмиссией. Как отмечает М. Ротбард, гринбэки «оказались прообразом кредитно-денежной системы, установившейся в США после 1933 г., а особенно после начатого в 1971 г. эксперимента с неразменными бумажными деньгами» [2, с. 120].

Ирвинг Фишер (1867–1947) — американский экономист, представитель неоклассического направления, профессор Йельского университета, автор работы «Покупательная сила денег. Ее определение и отношение к кредиту, проценту и кризисам» [3]. И. Фишер развил количественную теорию денег и предложил уравнение обмена, описывающее связь денег и цен. Он выделил пять факторов, от которых зависит покупательная способность денег (и соответственно уровень цен): масса денег в обращении; скорость их обращения; масса банковских вкладов, подлежащих чековому обороту; скорость чекового оборота и объем торговли [3, с. XV]. Согласно И. Фишеру, при прочих равных условиях изменение денежной массы приводит к пропорциональному изменению уровня цен: «…всегда справедливо, во-первых, что цены изменяются в прямой зависимости с изменением количества денег, при предположении неизменности объема торговли и скоростей обращения денег и депозитов; во-вторых, цены изменяются в прямой зависимости от скоростей обращения (если эти скорости изменяются одинаковым образом), при предположении неизменности количества денег и объема торговли, и, в-третьих, цены изменяются в обратной зависимости от объема торговли, при предположении неизменности количества денег, а следовательно, и депозитов, и скоростей их обращения» [3, с. 110–111]. Эта идея стала краеугольным камнем количественной теории денег: инфляция рассматривается как результат избыточного роста предложения денег относительно спроса на них [3]. И. Фишер также исследовал эффекты инфляции и дефляции: он отмечал, что инфляция подрывает покупательную способность денег, обесценивая сбережения, тогда как дефляция может угнетать экономическую активность, поощряя ожидания падения цен. Существенный вклад И. Фишера состоит в обосновании необходимости активной денежно-кредитной политики для поддержания стабильности цен. Достоинством его подхода является строгая математическая форма и определение причинно-следственной связи между денежной массой и ценами. Его уравнение обмена получило широкое признание в анализе монетарных факторов. Однако сам И. Фишер и его последователи осознавали ограниченность этой модели в динамическом нелинейном мире: в реальной экономике скорость обращения денег и выпуск не постоянны, между изменением денежных агрегатов и ценами существуют лаги и влияния ожиданий [4–6]. Несмотря на споры о применении уравнения обмена в динамике, идеи И. Фишера заложили фундамент монетаристского взгляда: контроль денежной массы — ключ к управлению инфляцией [7; 8].

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) — выдающийся английский экономист, сторонник государственного регулирования рыночной экономики, основоположник кейнсианской макроэкономической теории, автор знаменитой работы «Общая теория занятости, процента и денег» [9]. Дж.М. Кейнс жил в эпоху Великой депрессии, когда главной проблемой была не инфляция, а дефляция и безработица. Он рассматривал инфляцию преимущественно с позиций совокупного спроса и совокупного предложения. Как пишет Р. Скидельски, биограф Дж.М. Кейнса, в экономической теории Кейнса основным механизмом поиска новой точки равновесия является приспособление не цен, а объемов производства [10, с. 119]. Дж.М. Кейнс полагал, что умеренная инфляция менее опасна, чем затяжная рецессия с массовой безработицей [9]. Как пишет М. Ротбард, Кейнс хоть и отмечал, что оптимистичные настроения инвесторов могут вызывать инфляцию, но он «особенно в «Общей теории» на самом деле не интересовался инфляцией, его беспокоили безработица и рецессия» [11, с. 50].

Дж.М. Кейнс обосновывал необходимость активных мер правительства для скорейшего преодоления кризиса, даже ценой некоторого роста цен [9]. В кейнсианской теории инфляция может возникать по двум основным причинам: инфляция спроса — когда совокупный спрос превышает потенциал производства, и инфляция издержек — когда рост издержек (например, заработной платы или цен на сырье) переносится в цены [9; 12]. Дж.М. Кейнс акцентировал внимание на том, что правительства должны стимулировать спрос в период спада — увеличивать государственные расходы, снижать налоги или ставки, чтобы вернуть экономику к уровню полной занятости [9; 13]. При этом небольшой рост цен считается допустимой платой за оживление экономики.

Дж.М. Кейнс признавал и монетарный аспект инфляции: он отмечал, что печатание денег для покрытия дефицита ведет к инфляции [12]. Однако, в отличие от монетаристов, он не считал денежную эмиссию единственным фактором: важны также ожидания, поведение инвесторов, состояние реального сектора. Достижением кейнсианства стало понимание роли фискальной политики и совокупного спроса. Именно кейнсианцы ввели в анализ кривую Филипса, описывающую краткосрочный компромисс между инфляцией и безработицей. В 1950-1960-е правительства активно пользовались кейнсианскими рецептами, допуская небольшую инфляцию ради роста занятости [13; 14]. Ограничения же проявились позже: в 1970-е возникла стагфляция, которую кейнсианские модели не могли объяснить. Критики указывали, что чрезмерное стимулирование спроса способно раскручивать инфляцию без устойчивого эффекта на выпуск (что и показал М. Фридмен через адаптивные ожидания). Критика кейнсианства в 1970-е годы, связанная с невозможностью объяснить стагфляцию, поставила вопрос о необходимости модернизации теории. Эта задача была решена в рамках новой кейнсианской школы, сформировавшейся в 1980–2000-е годы, которая сохранила внимание к рыночным несовершенствам, но интегрировала ключевые идеи монетаризма: рациональные ожидания, долгосрочную нейтральность денег и важность инфляционных ожиданий. Именно эта эволюция теории позволяет сегодня говорить о «неокейнсианском консенсусе» в макроэкономической политике, который и будет учитываться в анализе российского опыта.

Милтон Фридмен (1912–2006) — лидер монетаристской школы, лауреат Нобелевской премии, профессор Чикагского университета, возродил и модернизировал количественную теорию денег. М. Фридмен исходил из того, что устойчивый рост цен вызван прежде всего избыточным ростом денежного предложения. Он подчеркивал: если денежная масса растет быстрее реального выпуска, то возникает инфляция [8]. Как отмечает Л. Уайт, М. Фридмен выступал с критикой кейнсианства, ставя «в упрек игнорирование теоретических аргументов и исторических фактов, свидетельствующих, что инфляция связана с чрезмерным ростом денежной массы, а депрессия — с ее сокращением» [15, с. 304].

Развивая идеи И. Фишера, монетаристы во главе с М. Фридменом акцентировали внимание на роли центральных банков: для обуздания инфляции необходим строгий контроль над темпами роста денежной массы, предпочтительно с помощью регулярного правила (например, фиксированного темпа прироста денег), а не дискреционного вмешательства в экономику [8; 13; 16]. Монетаризм оформился в 1960–1970-е гг. как ответ на проблемы стагфляции и неудачи кейнсианской политики. Сильные стороны монетаризма — ясное эмпирическое подтверждение связи между избыточной денежной эмиссией и всплесками инфляции в разных странах и эпохах, а также акцент на долгосрочной нейтральности денег для реального сектора [8]. В отличие от Дж.М. Кейнса, М. Фридмен показал, что в долгосрочном периоде рост денежной массы определяет преимущественно уровень цен, а не уровень производства [8]. Идеи М. Фридмена оказали огромное влияние на политику: в 1980-х центральные банки ряда стран (США, Великобритания) взяли курс на сдерживание денежного предложения для снижения инфляции [13; 17]. Впоследствии чистый монетаризм эволюционировал: современные стратегии инфляционного таргетирования тоже ориентируются на контроль инфляционных ожиданий через процентные ставки, хотя прямое таргетирование денежной массы отошло на второй план.

Представления об инфляции существенно расширились с течением времени. Если ранние работы сводили инфляцию преимущественно к денежной эмиссии (монетарный фактор), то позднее экономисты включили в анализ и реальные факторы (занятость, издержки, ожидания) [18]. В совокупности эти теории дают инструментальную основу для понимания инфляции как сложного многофакторного явления. Далее обратимся к тому, насколько эти идеи пригодны для объяснения инфляции именно в российской экономике.

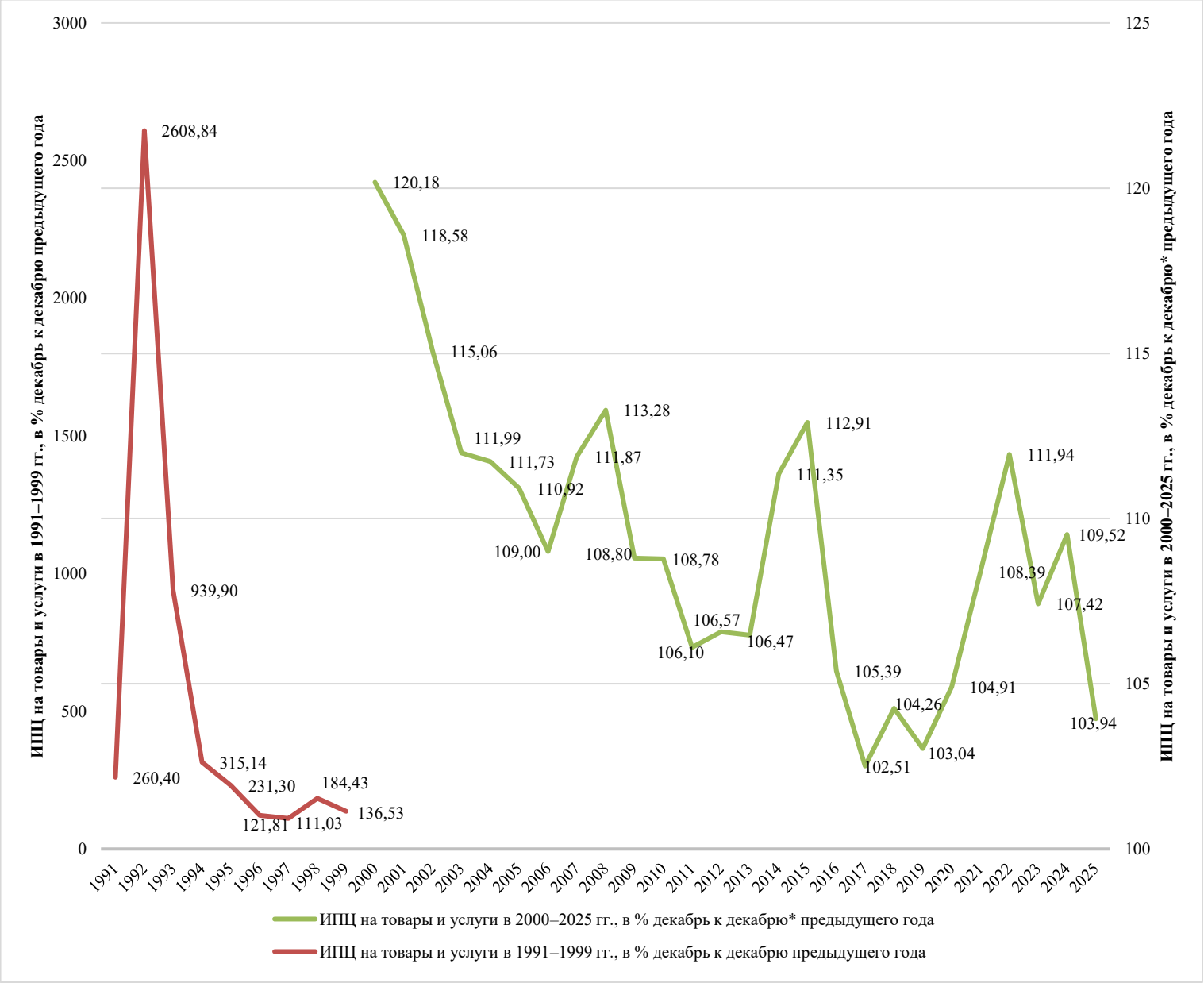
Анализ динамики показателей инфляции, денежной массы и экономического роста в России за 1991–2024 гг.

История постсоветской России предоставляет уникальный «полигон» для проверки теорий инфляции. Страна пережила гиперинфляцию начала 1990-х, относительную стабилизацию 2000-х, а затем новые инфляционные всплески на фоне внешних шоков (кризисы 2008–2009 гг., 2014–2015 гг., 2020–2022 гг.). Рассмотрим, в какой мере монетаристские и кейнсианские концепции помогают объяснить эти явления и какие ограничения проявляются.

Динамика годовых значений индекса потребительских цен на товары и услуги в РФ (далее — ИПЦ) приведена на рисунке 1. Видно, что в 1992 г. индекс цен вырос более чем в 26 раз, но затем уровень инфляции быстро снижался и к 1997 г. достиг 11,03 %. Экономический кризис 1998 г. способствовал скачку уровня цен до 84,43 %, но уже к 2000 г. он снизился до 20,18 %, затем до 18,58 % в 2001 г. В 2000-е уровень инфляции замедлялся с 20,18 % до 6,1 % к 2011–2013 гг., за исключением 2007–2008 г. (ИПЦ составил 111,87 % и 113,28 % соответственно). На графике (рис. 1) заметен всплеск 2015 г. до 12,95 % и резкое падение до рекордных 2,51 % в 2017 г. После — новый подъем к 11,94 % в 2022 г. Таким образом, период с 2014 г. характеризуется повышенной волатильностью уровня инфляции, в то время как 2003–2013 гг. были относительного стабильными, за исключением периода финансового кризиса 2008 г. В 2023–2024 г. значение показателя инфляции находится в диапазоне 7,44–9,52 %, что выше цели в 4 %, но существенно ниже кризисных максимумов.

Динамика темпов экономического роста в России в 1991–2024 гг. представлена на рисунке 2. Глубокий экономический спад начала 1990-х четко выражен: в 1992 г. ВВП сократился на 14,5 %, в 1994 г. — еще на 12,7 %. В 1995–1996 гг. спад затухает (-4,2 %, -3,6 %), и с 1997 г. начался рост (хоть и +1,4 %). Кризис 1998 г. вновь отбросил ВВП на -5,3 %. Далее, 1999-2008 гг. — период бурного подъема: почти все годы прирост от +5 % до +10 %, пик в

2000 г. (+10 %). Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. привел к спаду реального ВВП на -7,8 % в 2009 г. Но уже в 2010–2012 гг. рост восстановлен на более чем 4 % в год. С 2013 г. темпы экономического роста замедлились: 2013 г. +1,8 %, 2014 г. +0,7 % (фактически стагнация). В 2015 г. в период действия первого санкционного кризиса вновь наблюдается отрицательный экономический рост (-2,0 %), затем стагнация 2016 г. (+0,2 %). В 2017-2019 гг. отмечается скромный рост (1,8 %; 2,8 %; 2,2 %). Пандемия 2020 г. снова вызвала спад (-2,7 %), но в 2021 г. произошел рост на +5,9 %. Наконец, в период второго санкционного кризиса 2022 г. — умеренное снижение (-1,4 %), а 2023–2024 гг. — рост более +4 % ежегодно.



*Примечание: * — август 2025 г. к декабрю 2024 г.*

Рисунок 1. *Динамика индекса потребительских цен на товары и услуги в РФ за 1991–2025 гг., в % (построено авторами по данным Росстата[1])*

[1] Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.). Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 28.08.2025).

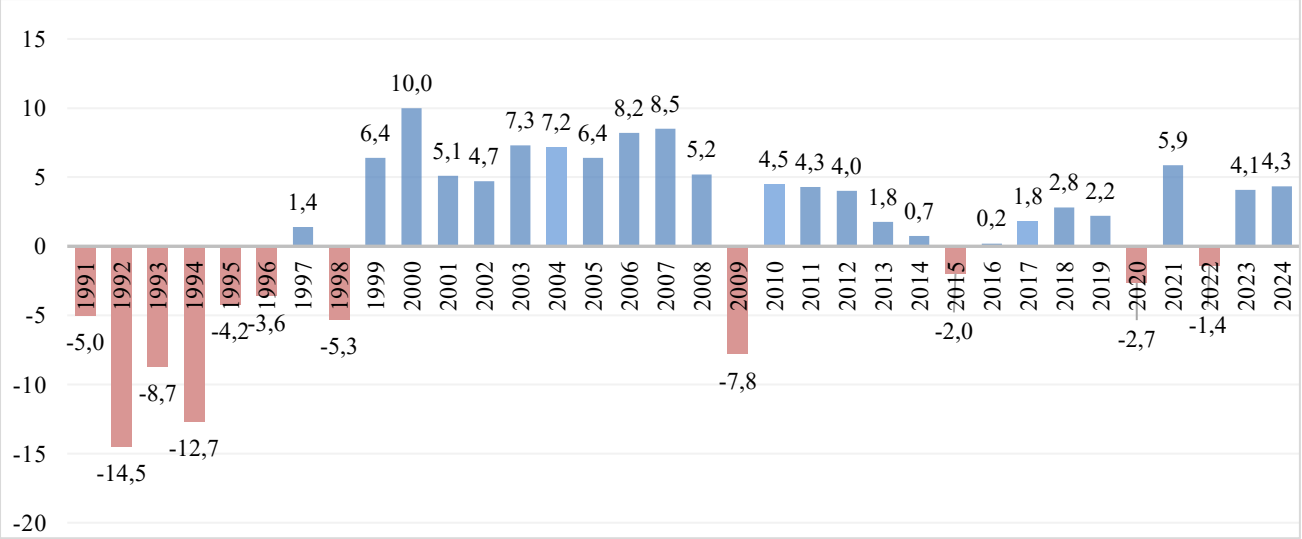


Рисунок 2. *Темпы роста реального ВВП в РФ за 1991–2024 гг., в % (построено авторами по данным Росстата[2])*

Таким образом, для экономики РФ характерен глубокий спад начала 1990-х, кризисы 1998 и 2009 гг., а также периоды подъема в 2000-х и восстановительного роста после 2015, 2020 и 2022 г.

Сопоставляя рисунки 1 и 2, можно заметить важные корреляции: в 1990-е годы спад ВВП сопровождался гиперинфляцией — классический признак слома экономической системы, когда монетарный хаос приводит и к падению выпуска, и к росту цен. В 1999–2008 гг., напротив, наблюдались одновременные рост экономики и замедление инфляции — успешный сценарий, обусловленный благоприятной экономической конъюнктурой и относительно разумной политикой Центрального Банка РФ. В 2014–2015 гг. резкое падение ВВП сочетается со всплеском инфляции (стагфляция) — следствие шока совокупного предложения. В 2020 г. тоже спад, но уровень инфляции сначала замедлился (сократился совокупный спрос), а затем, уже в 2021 г., разогнался — отчасти из-за компенсационного спроса, отчасти из-за мягкой политики 2020 г. Эти наблюдения подтверждают: инфляция в России связана не только с внутренним спросом, но и с валютно-сырьевыми циклами.

Рисунок 3 иллюстрирует динамику денежной массы (М2). Здесь сложнее с достоверной статистикой за весь период, но в общих чертах тренд таков: в первые постсоветские годы номинальный объем М2 рос гигантскими темпами. К примеру, в 1992 г. объем денежной массы увеличился в 13 раз, к 1994 г. — 2,95 раза, составив на начало 1995 года 97,8 трлн руб., среднемесячный темп роста составлял 9,5 % [19]. Затем, по мере стабилизации и проведения жесткой кредитно-денежной политики рост денежной массы замедлился до десятков процентов в год. В 2000-е прирост М2 колебался около 30–50 % в год. В 2010-е — упал до 10–20 %. Примечательно поведение в 2015 г.: несмотря на кризис, М2 даже сократился в реальном выражении — Банк России ужесточил политику. В период с 2018 г. по 2022 г. колебания темпов прироста сохранялось в пределах 7,3 % (01.09.2019) до 16,2 % (01.11.2020).[3] В последующий период максимальный прирост данного денежного агрегата составил 25,9 % на начало марта 2023 г., с последующим снижением до 19,2 % на начало 2025 г.[3]

[2] Национальные счета. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 26.08.2025).

[3] Денежные агрегаты — оценка. Август 2025. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/sr_ma_estim/ (дата обращения: 26.08.2025).

Горизонтальная прерывающаяся линия — своеобразный порог: выше нее период 1992–1995 гг. экстремальных темпов роста M2

Рисунок 3. *Темпы прироста денежной массы (агрегат M2) в России, 1991–2024 гг., % к предыдущему году (логарифмический масштаб) (построено авторами по данным Банка России[4])*

Можно констатировать, что рисунок 3 по форме во многом зеркально отражает рисунок 1: где денежная масса росла лавинообразно — там была и лавинообразная инфляция; где денежный рост умерен — там и инфляция низкая. Так, после 2016 г. инфляция снизилась до минимума именно на фоне минимальных темпов прироста M2 (~10 %). В 2021–2022 гг. ускорение M2 более чем на 15 % предшествовало всплеску цен. Конечно, корреляция не означает однозначной детерминации, но общий вывод ясен: для поддержания ценовой стабильности в России критически важно контролировать динамику денежной массы и ликвидности. При чрезмерном их росте инфляция неизбежно ускоряется — пусть с некоторым лагом или через косвенные каналы, например, через обменный курс.

Объяснение инфляционных процессов в российской экономике: кейнсианский и монетаристский подход

Опыт России в 1990-х ярко подтверждает монетаристскую догму: неконтролируемый рост денежной массы приводит к гиперинфляции. После распада СССР Центральный банк РФ (далее — ЦБ РФ) фактически финансировал бюджетный дефицит и кредиты предприятиям через эмиссию. Так, в 1994 г. на долю кредитов Правительству для финансирования государственных расходов приходилось 75 % кредитной эмиссии ЦБ РФ [19]. В результате индекс потребительских цен достиг астрономических значений (рис. 1). По меткому выражению Джеффри Сакса, изучавшего российскую ситуацию, «правительство выпустило из своих рук контроль над количеством денег — и инфляция стала денежным недугом» [20]. Эластичность уровня инфляции по денежной массе была значительно больше единицы, что свидетельствует о падении доверия к деньгам и ускорении обращения денег в условиях гиперинфляции. Таким образом, причиной гиперинфляции 1992–1994 гг. был неумеренный выпуск денег, хотя спад производства и монополистические структуры так же вносили вклад в инфляционные процессы [19]. Этот эпизод похож на ситуацию, описанную А. Дельмаром и полностью согласуется с подходом М. Фридмена: инфляция оказалась «повсюду и всегда монетарным явлением» [7].

[4] Сервис получения данных. Категория: структура денежной массы. Показатель: Денежный агрегат M2. Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/data-service/ (дата обращения: 26.08.2025).

Тем не менее, уже к концу 1990-х проявились факторы, выходящие за рамки чистого монетаризма. После 1995 г. ЦБ РФ резко ограничил денежную эмиссию: проводил жесткую кредитно-денежную политику и стремился стабилизировать курс рубля через режим управляемого плавания, поддерживая его в узком валютном коридоре. Уровень инфляции действительно снизился, однако такая политика сопровождалась высокой реальной процентной ставкой и спадом производства (ВВП продолжал падать до 1996 г. включительно — см. рис. 2). К лету 1998 г. в российской экономике накопились серьезные макроэкономические дисбалансы. Жесткая денежно-кредитная политика и поддержание завышенного курса рубля в условиях управляемого плавания подавляли промышленное производство, снижали бюджетные налоговые поступления и увеличивали долговую нагрузку. Августовский дефолт 1998 г. привел к обвалу рубля, масштабному банковскому кризису — и новому всплеску инфляции.

В данном случае основным драйвером инфляции стала девальвация рубля, которая резко увеличила стоимость импорта и спровоцировала массовый рост цен. Монетаристы справедливо указывают, что девальвация отражает глубинные макроэкономические дисбалансы — включая потерю доверия к рублю, хронический бюджетный дефицит и истощение валютных резервов. Такой механизм соответствует концепции «инфляции издержек» в кейнсианской традиции: рост общего уровня цен инициирован ростом издержек, а не избыточным совокупным спросом. В то же время классическая количественная теория денег не объясняет подобные шоки напрямую, поскольку фокусируется на долгосрочной связи между денежной массой и уровнем цен.

В 2000-е годы инфляция демонстрировала четкую тенденцию к снижению: с 20,17 % в 2000 году до 9 % в 2006 году, после чего незначительно выросла до 13,28 % в 2008 году (рис. 1) на фоне глобального кризиса. Монетарная база и агрегат М2 значительно росли, что было обусловлено притоком валютной выручки от нефтегазового экспорта и восстановлением доверия к банковской системе. Вместе с тем умеренная инфляция сочеталась с высокими темпами роста ВВП, что отражало активную монетизацию экономики и расширение финансового сектора. Согласно уравнению И. Фишера, рост денежной массы (M) частично компенсировался снижением скорости обращения денег (V), обусловленным ростом спроса на рублевые активы и ускорением экономического роста (Y), что сдерживало инфляционное давление. Инфляция оставалась контролируемой, что подтверждает релевантность количественной теории денег даже в условиях структурных изменений.

В период с 2000 по 2014 гг. Банк России ориентировался на курсовую стабильность, а не на инфляцию. Если в 2000–2008 гг. основными факторами были тарифные реформы и рост внутреннего спроса, то уже в 2008 году произошёл первый глобальный системный шок — финансовый кризис, спровоцировавший резкое падение цен на нефть и отток капитала. Парадоксально, но общий уровень инфляции снизился с 13,3 % в 2008 г. до 8,8 % в 2009 г. — это объясняется глубоким спадом ВВП (-7,8 %), подавившим внутренний спрос, несмотря на девальвационное давление. Кризис 2008 г. стал первым испытанием роли внешних факторов в российской инфляции. Хотя монетарная политика оставалась умеренной, девальвация рубля и рост импортных цен показали, что экономика стала уязвимой к глобальным колебаниям. Этот опыт предвосхитил более масштабные проблемы 2014–2015 гг., но в отличие от последних, в 2008–2009 гг. Банк России не стал резко повышать ставку, чтобы не усугубить рецессию — что отражает начало поиска баланса между инфляционными и антирецессионными целями.

Переход к инфляционному таргетированию, который начался в 2013–2014 гг., и жесткой монетарной политике позволили снизить показатель инфляции до рекордных 2,5 % в 2017 году. Банк России отреагировал на кризис резким повышением ключевой ставки до 17 % в декабре 2014 г.[5], что позволило стабилизировать рубль, но усилило спад ВВП до -2,5 % в 2015 г. (рис. 2).

[5] Ключевая ставка Банка России. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/ (дата обращения: 27.08.2025).

Современные исследования показывают, что в России инфляционные процессы определяются не только денежным предложением, но и структурными факторами [13; 16; 21; 22]. Согласно анализу Банка России, в 2000–2015 гг. на инфляцию влияли тарифы на энергоносители, рост заработных плат и колебания курса рубля.[6] Это подчеркивает, что эффективность монетарной политики зависит не только от теоретических принципов, но и от учета специфики экономики — включая зависимость от сырьевого экспорта и эластичность спроса на деньги [23].

Хотя монетарная политика сыграла ключевую роль в снижении инфляции, её эффективность была обусловлена также внешними факторами — в частности, ростом цен на нефть и адаптацией экономики к новым условиям. При этом до 2014 г. роль внешних шоков была второстепенной, тогда как после обвала рубля в 2014–2015 гг. девальвация стала ключевым фактором инфляции [5]. Так, по мнению некоторых исследователей, именно внешнеэкономические факторы сегодня выступают катализатором инфляции [24].

Инфляция в 2019–2024 гг. представляет особый интерес для анализа. В этот период, несмотря на глобальную пандемию и санкционное давление, уровень инфляции в России вновь ускорился с 3,04 % в 2019 г. до пиков 11,94 % в 2022 гг. (рис. 1). Монетарный подход получил подтверждение: повышение инфляции в 2020–2024 гг. связано преимущественно с ускорением темпов роста денежного предложения.[7] В частности, среднегодовой прирост широкого агрегата M2+ в 2022–2023 гг. превышал 15 %, тогда как в 2019–2021 гг. он был ниже 11 %.[3] Причинами роста денежной массы стали меры антикризисной поддержки — увеличение расходов бюджета и уровня кредитования. При этом Банк России в 2020-х и в начале 2021 гг. удерживал низкую ключевую ставку (в разгар пандемии — квази-кейнсианский шаг для поддержания экономики). Но уже в 2021 г. регулятор вернулся к монетаристской линии, резко повысив ставку[5], к началу 2022 г. инфляция стабилизировалась около 8–9 %.[1] Новые санкционные шоки вызвали скачок цен весной 2022 г., но затем благодаря жесткой политике ЦБ РФ и снижению совокупного спроса инфляция даже опустилась ниже 3 % летом 2022 г. — уникальный случай проявления дефляционных тенденций в России.[1] Этот эпизод продемонстрировал действие и монетарных, и немонетарных факторов: первоначальный всплеск цен в марте 2022 г. был реакцией на падение курса рубля и ажиотажный спрос, а последующее замедление — результат укрепления рубля и сжатия денежной массы. Таким образом, комбинация монетарных мер и специфики внешнеторговых условий быстро изменила ценовую динамику. В 2023–2024 гг. уровень инфляции вновь вышел на уровень около 6-8 %, что выше целевых 4 %, — этому во многом способствовало расширение бюджета и приток ликвидности.

Дискуссия вокруг этой политики выявила различия в подходах: одни эксперты (включая ЦБ РФ)[8] делали акцент на стабилизации цен [25], другие — на поддержке спроса [13; 17; 26]. Однако ретроспективный анализ показывает, что успешная стабилизация потребовала сочетания монетарной жёсткости, перехода к инфляционному таргетированию и учёта структурных особенностей российской экономики — прежде всего её зависимости от сырьевого экспорта и импортозависимости.

---

[6] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2016 год и период 2017 и 2018 годов. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/87371/on_2016(2017-2018).pdf (дата обращения: 27.08.2025).

[7] Эксперты связали инфляцию последних лет с избытком денежной массы [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/01/31/1089376-eksperti-svyazali-inflyatsiyu-s-izbitkom-denezhnoi-massi (дата обращения: 23.08.2025).

[8] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf (дата обращения: 27.08.2025).

Подводя итог анализу данных, можно сделать несколько выводов.

1. Монетарная экспансия в России чревата ростом инфляции. Примеры: начало 1990-х, 2020–2022 гг. Монетарное правило или таргетирование — эффективные инструменты снижения инфляции, что было доказано в 2000-е и особенно после 2015 г.
2. Внешние шоки (курсовые, сырьевые) способны временно ускорить инфляцию даже при жёсткой денежно-кредитной политике. В таких случаях чисто монетарные меры все равно применяются, но их социально-экономическая цена высокая (усиление спада).
3. Совокупный спрос влияет на инфляцию: в годы высокого роста (2000-е) уровень инфляции не падал ниже определенного порога, пока экономика не насытилась. В годы спада — показатели инфляции обычно снижаются, но из-за структурных причин редко опускаются до нуля.
4. Ожидания населения и бизнеса в России формируются адаптивно и сильно зависят от текущего уровня инфляции. Поэтому закрепление умеренного уровня инфляции за 2017–2019 гг. позволило даже при шоке 2020–2021 не разгонять показатели инфляции до двузначных цифр сразу — эффект инерции ожиданий.

Таким образом, российский опыт демонстрирует, что эффективный анализ инфляции требует синтеза: монетарная теория объясняет кризисные всплески, а кейнсианские и структурные подходы — устойчивые «фоновые» уровни инфляции. Такой гибридный взгляд позволяет учитывать специфику сырьевой экономики, где внешние шоки, административные решения и ограничения предложения взаимодействуют с монетарными механизмами, формируя сложную картину ценовой динамики.

Заключение

Рассмотренные теории инфляции отражают усложнение понимания природы этого явления. Монетаристская парадигма однозначно утверждает: устойчивый рост цен всегда обусловлен избыточным денежным предложением. Кейнсианская парадигма дополняет: в краткосрочном периоде инфляция может порождаться несоответствием совокупного спроса и совокупного предложения, шоками издержек, а допустимая умеренная инфляция может быть побочным продуктом стимулирующей политики, направленной на рост занятости.

Применительно к России оба подхода находят подтверждение, но по отдельности они недостаточны. Монетаризм блестяще объясняет гиперинфляцию начала 1990-х и служит теоретическим обоснованием успешного снижения уровня инфляции в 2010-е годы — достаточно было взять под контроль денежную массу и инфляционные ожидания. Однако чисто монетарный подход мало говорит о том, почему, к примеру, уровень инфляции в России не удается стабильно удерживать на уровне 4 %: здесь вступают в игру структурные ограничения экономики, индексирование цен и т. п.

Кейнсианский подход раскрывает механизмы, через которые внешние и внутренние шоки передаются в инфляцию, и предупреждает о рисках чрезмерного ужесточения политики для экономического роста. Но если увлечься только стимулированием спроса, как показывает опыт, инфляция быстро выходит из-под контроля — и, в конечном счете, бьет по тому же спросу (через падение реальных доходов).

Для теоретического понимания и практической политики важно интегрировать лучшие элементы разных подходов: строгий монетарный якорь для долгосрочной стабильности цен в

сочетании с гибкой реакцией на краткосрочные шоки. Количественная дисциплина (то есть недопущение длительного роста денег выше темпов роста экономики) остается краеугольным условием — и российский опыт это твердо подтвердил. Одновременно гибкость и анализ структуры позволяют отличить, где инфляция носит временный характер из-за разового шока, а где угрожает выйти на новый устойчивый виток. Такой синтез отражает эволюцию макроэкономической политики в условиях, где сырьевая зависимость и импортозависимость усиливают чувствительность к глобальным колебаниям.

В заключение, эволюция теорий инфляции учит, что для эффективной макроэкономической политики нельзя опираться лишь на одну доктрину, что подтверждает выдвинутую гипотезу исследования. Сочетание идей монетаризма и кейнсианства — контроль денег и управлением совокупным спросом — позволяет сгладить экономический цикл и удерживать инфляцию в приемлемых рамках. Именно такой гибридный подход лежит в основе современной политики Банка России и, судя по всему, будет оставаться наиболее результативным в будущем, обеспечивая и ценовую стабильность, и условия для роста экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. A. Del Mar. The great paper bubble; or, the coming financial explosion / Del Mar A. // Office of the «Metropolitan Record», New York. — 1864. — 94 с. –URL: https://openlibrary.org/works/OL16751588W/The_great_paper_bubble_or_the_coming_financial_explosion (дата обращения 01.08.2025).
2. Ротбард, М. История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны / М. Ротбард; пер. с англ. Б.С. Пинскера под ред. А.В. Куряева. — Москва; Челябинск: Социум. — 2023. — 524 с.
3. Фишер, И. Покупательная сила денег. Ее определение и отношение к кредиту, проценту и кризисам: пер. с англ. / И. Фишер; пер. К.Г. Фокина; ред. и предисл. В.Я. Железнова. — М.: Финансовое изд-во НКФ СССР. — 1925. — 399 с. –URL: http://elib.fa.ru/oldbook/Fisher.pdf. (дата обращения 02.08.2025).
4. Иванченко, И.С. Оценка воздействия денежной массы на темпы прироста российского ВВП / И.С. Иванченко, Ниворожкина Л.И. — DOI https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-1-34-44 // Финансы: теория и практика. — 2025. — № 29(1). — С. 34–44. — URL: https://financetp.fa.ru/jour/article/view/3448 (дата обращения 05.08.2025).
5. Ильяшенко, В.В. Инфляция в современной России: теоретические основы, особенности проявления и региональный аспект / В.В Ильяшенко, Л.Н. Куклина. — DOI https://doi.org/10.17059/2017-2-9 // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 2. — С. 434–445. — URL: https://economyofregion.ru/arhiv/inflyacziya-v-sovremennoj-rossii-teoreticheskie-osnovy-osobennosti-proyavleniya-i-regionalnyj-aspekt/ (дата обращения 04.08.2025).
6. Скобликов, Е.А. К вопросу теоретической обоснованности таргетирования инфляции / Е.А. Скобликов // Теоретическая экономика. — 2023. — № 5. — С. 21–30. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-teoreticheskoy-obosnovannosti-targetirovaniya-inflyatsii (дата обращения: 13.07.2025).
7. Фридмен, М. Количественная теория денег. Пер. с англ. / М. Фридмен. — М.: Эльф Пресс. — 1996. — 132 с.

8. Фридмен, М. Основы монетаризма / Под науч. ред. Д.А. Козлова. — М.: ТЕИС. — 2002. — 175 с.
9. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с английского профессора Н.Н. Любимова. — М.: Гелиос АРВ. — 2017. — 352 с.
10. Скидельски, Р. Кейнс. Возвращение мастера / Р. Скидельски; пер. с англ. О. Левченко; [Науч. ред. О. Замулин]. — М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. — 253 с.
11. Rothbard, M. Keynes, the Man. / Murray, N. Rothbard // Ludwig von Mises Institute. — Auburn, Alabama. — 2010. — 68 с.
12. Кейнс, Дж.М. Трактат о денежной реформе: Пер. с англ. / Дж.М. Кейнс; пер. А.С. Каменецкого. — Москва: Экономическая жизнь, 1925. — 109 с. — URL: http://elib.fa.ru/oldbook/kejns_traktat.pdf (дата обращения: 13.08.2025).
13. Аганбегян, А.Г. Две главные макроэкономические теории Д. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России / А.Г. Аганбегян. — DOI https://doi.org/10.47711/0868-6351-194-9-20 // Проблемы прогнозирования. — 2022. — № 5(194). — С. 9–20. — URL: https://ecfor.ru/publication/makroekonomicheskie-teorii-d-kejnsa-i-m-fridmana-v-ekonomicheskoj-politike/ (дата обращения: 08.08.2025).
14. Ивашковский, С.Н. Дж.М. Кейнс и его экономическая теория: этический ракурс. / С.Н. Ивашковский — DOI https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-172-187 // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 3(48). — С. 172–187. — URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/547?locale=ru_RU (дата обращения: 09.08.2025).
15. Уайт, Л. Борьба экономических идей: Великие споры и эксперименты последнего столетия / Пер. с англ. — М.: Новое издательство. — 2020. — 446 с.
16. Бажан, А.И. Ускорение инфляции в ЕС и России / А.И. Бажан // Современная Европа. — 2022. — № 2(109). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uskorenie-inflyatsii-v-es-i-rossii (дата обращения: 05.08.2025).
17. Козырев, В.М. Проблема экономического роста в Российской Федерации в период 1991–2021 годов / В.М. Козырев // Вестник РМАТ. — 2022. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekonomicheskogo-rosta-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-1991-2021-godov (дата обращения: 03.08.2025).
18. Пефтиев, В.И. Инфляция в России и мире: новые тренды / В.И. Пефтиев, Л.А. Титова // Теоретическая экономика. — 2022 — № 10. — С. 92–100. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inflyatsiya-v-rossii-i-mire-novye-trendy (дата обращения: 29.08.2025).
19. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997. / Под редакцией Е. Гайдара [и др.]. — М.: Институт Гайдара. — 1998. — 1113 с. — URL: https://www.iep.ru/ru/doclib/ekonomika-perekhodnogo-perioda/ekonomika-perekhodnogo-perioda-ocherki-ekonomicheskoy-politiki-postkommunisticheskoy-rossii-1991-1997.html (дата обращения: 02.08.2025).
20. Сакс, Дж. Рыночная экономика и Россия. Пер. с англ. / Джеффри Сакс; пер. Л. Осокина. — М.: Экономика — 1994. — 333 с.
21. Иванченко, И.С. Деньги и экономический рост / И.С. Иванченко, А.А. Ермак // Финансовые исследования. — 2023. — № 2(79). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dengi-i-ekonomicheskiy-rost (дата обращения: 17.08.2025).

22. Куклинова, П.С. Специфика развития инфляционных процессов в современной российской экономике / П.С. Куклинова. — DOI https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-26-33 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2022. — Т. 22. вып. 1. С. 26–33. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-razvitiya-inflyatsionnyh-protsessov-v-sovremennoy-rossiyskoy-ekonomike (дата обращения: 20.08.2025).

23. Орлянский, Е.А. Эволюция теории инфляции и ее практическое значение / Е.А. Орлянский. — DOI https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.23 // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2023. — том 17, № 1. — С. 220–228. — URL: https://journal.omga.su/2023/05/04/эволюция-теории-инфляции-и-ее-практич/ (дата обращения: 21.08.2025).

24. Рузина, Е.И. Инфляция в российской экономике и роль внешнего фактора: особенности, закономерности. / Е.И. Рузина. — DOI https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-3-50-59 // Международная торговля и торговая политика. — 2023. — № 9(4) — С.50–59. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inflyatsiya-v-rossiyskoy-ekonomike-i-rol-vneshnego-faktora-osobennosti-zakonomernosti (дата обращения: 20.08.2025).

25. Кузнецова, В.В. Проблемы и перспективы реализации денежно-кредитной политики в России / В.В. Кузнецова, О.И. Ларина. — DOI https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-12-72-89/ // ЭКО. — 2022. — № 12. — С. 72–89. — URL: https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4543 (дата обращения: 18.08.2025).

26. Глазьев, С.Ю. Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском экономическом союзе / С.Ю. Глазьев. — DOI https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-4-20 // Российский экономический журнал. — 2022. — № 2. — С. 4–20. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48225299 (дата обращения: 22.08.2025).

Lisitsa Alexander Vladimirovich
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
E-mail: alisicza@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-6187-4785
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=809794

Khurmatullina Alsu Fanzilevna
Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa, Russia
E-mail: afkhurmatullina@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0092-4401
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=635327

Inflation theories and their application in the Russian economy

Abstract. This article presents a comparative analysis of inflation theories, examining the key tenets of each concept- from the first descriptions of inflation as a «paper bubble» in the 19th century to the monetarist and Keynesian interpretations of the 20th century- and identifying their strengths and weaknesses. It focuses on the views of Alexander Delmar, Irving Fisher, John Maynard Keynes, and Milton Friedman, who not only proposed various explanations for inflation but also laid the foundations for modern economic policy. Particular attention is paid to the applicability of these theories to the analysis of inflation processes in the Russian economy. The authors analyzed the dynamics of money supply indicators, the inflation rate, and the rate of economic growth in Russia for 1991–2024. This article characterizes inflationary processes and their drivers during the hyperinflationary periods of the early 1990s, the relative stabilization of the 2000s, and subsequent inflationary surges amid external shocks (the crises of 2008–2009, 2014–2015, and 2020–2022). It also discusses the limitations of the monetarist and Keynesian paradigms in contemporary Russia, where both money supply and structural factors influence price level dynamics. Conclusions are drawn regarding which theoretical approaches are most relevant for explaining inflation in the Russian economy and how combining ideas from different schools of economic thought can contribute to a more comprehensive understanding of inflationary processes.

Keywords: inflation; monetarism; Keynesianism; quantity theory of money; macroeconomic policy